

Вера Евгеньевна Карасева Кирюшка

Днём и ночью бомбили и обстреливали враги осажденный город. Но ленинградцы не сдавались. И дети тоже были на боевом посту вместе со взрослыми. Старшие ребята заботились о младших, отводили их в убежище, тушили зажигательные бомбы.

Я буду очень рада, если вы, прочитав эту книжку, полюбите маленьких ленинградцев.

Для этого я ее написала.

Про Любочку и про её маму

Любочке было четыре года, и жила она со своей мамой в осаждённом фашистами городе Ленинграде.

В то время была война, и враги окружили Ленинград кольцом, взяли его в блокаду.

Любочкин папа сражался на Ленинградском фронте.

Большой дом, в котором жила Любочка, походил раньше на спелый стручок гороха, так плотно он был населён жильцами. Но сейчас дом опустел. Мужчины ушли воевать, ребят увезли подальше от фронта, а женщины работали на заводе и часто там же и жили, как солдаты, на казарменном положении.

Работать голодным и измученным бомбёжкой людям было очень тяжело. Но завод то был военный, он делал танки, нужные фронту, и люди трудились насколько хватало сил.

Мама и Любочка жили в одной комнате, а вторую занимал Иван Кириллыч, пожилой токарь. Сыновья его воевали, а дочери с детьми уехали. Мама тоже могла уехать со своей Любочкой, но она знала, что папа воюет в нескольких километрах от их дома, и не хотела уезжать. Она думала: а вдруг папу ранят? Кто же тогда будет за ним ухаживать?

Но время шло, и мама с Любочкой чувствовали себя всё хуже и

хуже. В начале войны они получали по карточкам достаточно хлеба и кое-какие продукты. Но после того, как немцы разбили склады, продуктов в городе почти не осталось, и хлеба стали выдавать на целый день крошечный кусочек, размером не больше двух спичечных коробков. Это был уже настоящий голод.

Пришла зима, и Любочка так ослабела, что не могла ходить по комнате и перестала спускаться в бомбоубежище. С утра до вечера она сидела в уголке в своей серенькой меховой шубке и даже с любимой куклой Алей не хотела играть.

Ударили морозы, и в комнате стало так холодно, что меховая шубка почти не согревала Любочку, а дров не было. Мама давно уже сожгла деревянный ящик, где раньше они держали картошку, сожгла и лестницу, по которой папа взбирался чинить электричество, потом доску для пирожков и котлет: ведь ни пирожков, ни котлет никто теперь в Ленинграде не делал. Затем в печку отправились один за другим все стулья, Любочкина деревянная кровать и, наконец, обеденный стол. Иван Кириллыч заглянул однажды к ним в комнату, увидел, как мама суёт в печку ножку от стола, и сказал, что такую обжору мебелью не насытишь. И на другой день принёс маленькую железную печурку. Эту печурку можно было топить щепками, и в комнате всё-таки становилось теплее. Но когда сожгли обеденный стол, табуретку и большой комод Ивана Кириллыча, не осталось щепок даже для маленькой печки.

Утром мама оставила Любочку лежать под одеялом, а сама встала и ушла в кухню поискать что-нибудь деревянное, что могло бы сгореть в печурке и хоть немного обогреть комнату.

Но в опустевшей и обледеневшей кухне ничего «горючего» уже не осталось, не нашлось даже лучинок, на которых можно было бы согреть Любочке стакан чаю.

А Любочка чувствовала себя в этот день совсем плохо. Худенькая и большеглазая, она лежала, свернувшись клубочком, под одеялом и была похожа на маленького захворавшего зайчонка.

И тут мама с мучительным страхом подумала о том, что её Любочка, её единственный, драгоценный зайчонок, может умереть от холода и голода.

Последние силы, последнее мужество оставили маму. Она

Иван Кириллыч молча протянул руку. На его ладони, большой и чёрной от металлической пыли, лежало настоящее, крупное, чуть желтоватое яйцо.

— В стружках откопалось, вот чудеса! — сказал Иван Кириллыч.

Мама взяла яйцо, бережно, как очень хрупкую драгоценность, переложила его на одной ладони в другую, посмотрела на свет, потом прижала яйцо к щеке и засмеялась.

— Совсем хорошее: свежее, свежёхонькое, словно вчера только снесла его курица, — сказала мама.

— Потому что в сухих стружках лежало. И ещё бы пролежало, не испортилось, да лежать ему хватит, — усмехнулся Иван Кириллыч. — сейчас наша Любочка его скушает! — Он налил в кружку крутого кипятку, и мама опустила туда яйцо.

Любочка съела яйцо и немного повеселела. Она уже не лежала, а сидела на диване и смотрела, как огненные языки слизывают одну за другой сухие стружки. Красные огоньки отражались у Любочки в глазах.

И мама тоже перестала украдкой вытирать слёзы. Ей опять стало казаться, что скоро всё будет хорошо. Ведь Любочкин папа со своими товарищами бьёт фашистов и скоро совсем прогонит их от Ленинграда. И Иван Кириллыч заботится о маме и Любочке и в трудную минуту всегда им помогает.

Кто-то постучал. В комнату вошли две незнакомые девушки в ватниках и меховых ушанках.

— Это вы — семья товарища Сергеева? — спросили они.

— Мы, — ответила мама и поднялась им навстречу.

— Мы привезли вам дрова. С завода, где работал ваш муж. Всем семьям военных отвозим понемногу. Покажите, пожалуйста, где сложить.

— Я покажу, — вызвался Иван Кириллыч.

И мама с Любочкой скоро слышали, как девушки, тяжело ступая по коридору, потащили в кухню вязанки дров. Потом они снова зашли в комнату, погрели руки у печки и спросили маму, есть ли

письма от инженера Сергеева.

— Есть, — ответила мама, — только не от инженера, а от капитана Сергеева.

— От нашего папы, — объяснила им Любочка.

Девушки попросили передать капитану привет и ушли.

Только заперли за ними двери, и вдруг опять стучат — пришёл новый гость, Вовка из третьей квартиры. Вовка был такой закутанный, что сначала его никто не узнал. На голове шапка, на шапке башлык, а поверх башлыка мамин платок. На руках у Вовки две пары варежек, а на ногах большие, верно отцовские, валенки.

— Привет юному изобретателю! — сказал Иван Кириллыч. — Как мама поживает?

— Хорошо, — ответил Вовка. — Она сегодня дежурит в госпитале, а я пришёл к вам. Смотрите, что я для вас сделал. Это лампочка. Она горит ярко, а керосину берёт совсем мало.

Мама взяла у Вовы из рук маленький предмет, завёрнутый в бумагу. Это действительно оказалась лампочка. Она была сделана из флакона от духов: сверху железный кружок, в кружок воткнута трубочка, а в трубочке фитилёк из ниток.

— Чудесная лампочка, — похвалила мама. — Мы с Любочкой растопили на блюде ёлочные свечи, но получилась ужасная ерунда. А с такой лампочкой можно даже читать.

Мама размотала Вовке платок, сняла с него башлык и усадила греться возле печурки. Чтобы дети не скучали, она стала читать им книжку про деревянного мальчика Буратино. Книжка была такая интересная, что Иван Кириллыч тоже слушал с охотой.

Оттаявшие за день стёкла к вечеру снова покрылись ледяной корой. Мама посмотрела на окно и вздохнула. Но Иван Кириллыч сказал, что мороз крепчает и это замечательно, потому что фашистские самолёты в сильный мороз летать не могут: у них замерзает горючее. Значит, бомбить Ленинград не будут. А наше горючее мороза не боится, и наши лётчики могут сегодня спокойно прилететь в Ленинград и привезти письма, газеты и даже продукты.

И вдруг зашумело радио. Мама закрыла книжку и сказала:

— Неужели опять тревога?

А радио потрещало, поскрипело, побулькало, и радостный голос сказал, что по Ладожскому озеру в Ленинград привезли продукты и с завтрашнего дня хлеба будут выдавать на 75 граммов больше.

— Ур-ра! — хором крикнули Иван Кириллыч и Вовка.

И Любочке тоже хотелось закричать «ура», но у неё не хватило сил... Утром Любочка проснулась слабенькая, но не такая скучная, как вчера...

Через два месяца приехал с фронта на один день Любочкин папа. Блокадная зима продолжалась, но солнце светило уже ярко, дни стали длиннее, и в Ленинград по Ладожскому озеру шли машины и везли ленинградцам хлеб, сахар, крупу...

Любочка была ещё худенькая и бледная, но она уже ходила по комнате, сама умывалась в тазике и нянчила свою Алю. А Вовка снял платок и башлык и, привязав к валенку один конёк, пытался кататься по снегу во дворе.

Мама, конечно, рассказала папе о том, как жили они с Любочкой эти месяцы в осаждённом городе. И про яйцо не забыла рассказать, как неожиданно нашёл его Иван Кириллыч в стружках.

— Я его съела и стала поправляться, — объяснила папе Любочка.

— Верно, — согласилась мама. — С того дня тебе стало лучше. Но поправилась ты оттого, что о нас всё время заботились наши товарищи, наши смелые и добрые ленинградцы: и Иван Кириллыч, и девушки-дружинницы с папиного завода, и Вовка, и шофёры, возившие в Ленинград хлеб.

Осколок

Всегда они жили дружно и вдруг поссорились. Поссорились из-за чепухи. Таня споткнулась в коридоре и уронила охапку дров. Дрова рассыпались со стуком и грохотом. Валька проснулся и заревел. Из комнаты вышла Зоя Петровна, Валькина мама, и закричала на Таню:

— Ты что? Валька всю ночь не спал, а ты, как нарочно, грохочешь...

Таня сначала растерялась, а потом ответила резко:

— И буду грохотать! Я не кошка, впотьмах не вижу. — И ушла в свою комнату, изо всех сил хлопнув дверью.

С итога дня они перестали разговаривать.

Маме Таня ничего не сказала. Зачем ей знать всякие неприятности. Зоя Петровна тоже не стала жаловаться, она очень

уставала, и ей было не до этого.

Зоя Петровна работала на заводе, выдавала рабочим зарплату и хлебные карточки. Раньше она ездила на завод трамваем, а теперь ей приходилось, как и всем, ходить пешком.

Рано утром Зоя Петровна отвозила на санках своего четырехлетнего сына Вальку в детский сад и шла на работу. Вечером, возвращаясь, забирала Вальку домой.

— Танюша, — говорила мама, — мы с тобой уже большие, и нам легче, чем Зоечке. Ты ей помогай.

И Таня получала Зое Петровне хлеб, мыла посуду и заботилась о Вальке, если он почему-нибудь оставался дома.

И вот, вместо доброго слова, на неё накричали ни за что ни про что. Обидели её совершенно зря, и мириться она не станет. Хлеб получать она им, так и быть, будет, но в комнату заходить и не подумает. Положит на столе в кухне, и ладно.

Но через два дня Таня так сильно соскучилась по Вальке, что просто не находила себе места. Ведь этого Вальку она знала чуть не с первого дня его рождения. Нянчила его, помогала купать, играла с ним. Когда Валентин Иванович, так называл его Танин папа, уезжал с детским садом на дачу, Таня ездила его навещать. Она сберегала деньги от завтраков и покупала Вальке леденцовых петушков, «Мишек на севере» и другие вкусные вещи.

* * *

Несколько дней Валька не возвращался домой. Стояли сильные морозы, и Зоя Петровна оставляла его ночевать в детском саду. Но потом на улице потеплело, и Валька вернулся домой.

Утром Таня слышала, как Зоя Петровна говорила маме, что у Вальки сильный насморк и она не может вести его в детский сад.

— Я схожу на работу, отпрошусь дня на три и посижу с ним дома, — сказала она и вместе с Таниной мамой вышла на дому.

Таня сидела у себя в комнате и пыталась читать книжку, но не могла. Она думала о том, что рядом, за стеной, в запертой на ключ комнате томится одинокий, простуженный Валька. А ведь они могли бы сидеть вместе, и она показывала бы ему картинки или вырезала из бумаги разные фигурки. И ключи ведь от их дверей одинаковые. Но Зоя Петровна накричала на Таню, обидела её, и Таня ни за что на свете не откроет своим ключом её комнату и не войдёт туда! Ни за

что! Но поговорить с Валькой через запертую дверь она может. Таня вышла в коридор, подошла к двери и тихонько окликнула:

— Валька!

— Таня! — обрадовался он. — Таня, иди ко мне!

— Валька, что ты делаешь? — спросила Таня.

— Скучаю, — хриплым от простуды голосом проговорил Валька. — Таня, почему ты к нам не приходишь?

— Мне некогда. Ты будь умником, возьми цветные карандаши и нарисуй котика или собачку.

— Я лучше бемегота нарисую и крокодила, — гудел за дверью Валька.

— Ладно. Только не бемегота, а бегемота. Ты рисуй, а я тебе вырежу два танка, как они идут на фронт бить фашистов...

— А как ты их мне дашь? Мама заперла дверь на ключ, чтобы я не бегал в холодную кухню.

— А я их под дверь подсуну, — пообещала Таня и ушла в свою комнату.

Но не успела она разыскать тетрадку для рисования, как послышался знакомый свистящий звук. И репродуктор тотчас же объявил: «Артиллерийский обстрел района!»

Таня надела пальто. Надо бежать в убежище! А Валька? Разве может она его оставить?!

Быстро отперла дверь своим ключом. Валька стоял у порога. Таня нахлобучила на него шапку, кое-как застегнула шубку, закутала ему ноги одеялом и потащила вниз по лестнице.

Снаряды с воем проносились над их домом и разрывались где-то совсем близко. Но Таня и Валька были уже в убежище. Рядом сидели друзья и знакомые ребята, а с друзьями никогда не бывает так страшно, как одним в пустой квартире.

Валька был очень рад, что снова сидит с Таней, и терпел, когда она вытирала ему нос, застёгивала тугие крючки у шубки и надевала варежки на маленькие озябшие ручонки.

Артиллерийский обстрел продолжался минут двадцать. Когда на улице стало совсем тихо, в убежище заглянула комендант Полина Ивановна и сказала, что можно идти домой.

Таня не спеша поднялась с Валькой по лестнице, отвела его в

комнату, раздела и ушла в кухню за бумагой и щепками, чтобы растопить печурку.

Она слышала, как стукнула парадная дверь, как Зоя Петровна пробежала в свою комнату и громко там разрыдалась. Валька

командовала не только девчонками, но и всеми ребятами нашего двора.

Никто никогда не видел Кирюшку с куклой в руках. Но зато она играла в футбол и в городки и ловко мастерила рогатки.

Помню, сидела я однажды у себя дома и вдруг услышала звон разбитого стекла. Морозный ветер прямо ворвался в комнату. Я побежала за стекольщиком.

В конторе топтались у двери двое самых озорных мальчишек и Кира.

— Это я... — виноватым голосом говорила Кира домоуправу. — Только я совсем не думала разбивать окно. Я просто поспорила с Андреем и Генкой, что собью сосульку у тёти Нади над форточкой. Мне так неприятно... Честное пионерское... Я сейчас побегу искать стекольщика.

Это было зимой, а весной — новый случай. В открытое кухонное окно к нам влетел футбольный мяч. Сначала он запрыгал по столу, сбросал на пол стакан и чашку, потом шлёпнулся в кастрюлю с горячим молоком, выбросил целый сноп молочных брызг и притих.

Я вытащила мяч на кастрюли, бросила его в раковину, а молоко решила отдать кошкам.

В окно я даже не выглянула: знала, что виновники сами найдутся. Явятся, как миленькие, — не пропадать же мячу!

В самом деле, через несколько минут в дверь постучали.

Первая появилась на пороге Кира. Сзади улыбались Андрей и Генка.

Кира вежливо поздоровалась и спросила:

— Можно нам забрать наш мячик? Мы постараемся, чтобы это было в последний раз.

Я отдала им мяч.

...И вдруг эта озорная девчонка, эта Кирюшка совершенно изменилась.

Началась война. Кири́н отец ушёл на фронт, мать её стала работать в госпитале. Многих ребят увезли в тыл, а те, что остались, вместе со взрослыми стали оборонять свой дом. Собирали бутылки, ящики, вёдра, наполняли их песком и водой и сносили на чердак, чтобы гасить зажигательные бомбы. Главным командиром в ребячьем отряде была Кира.

В бомбоубежище Кира и её друзья тоже навели порядок. Они заботились о самых маленьких. Притащили детскую мебель, книжки,

игрушки. В большом бидоне всегда была свежая вода, и под потолком горела электрическая лампочка. А когда не стало электричества, ребята приносили самодельные лампочки-коптилки.

Как только на Ладожском озере окреп лёд, снова начали вывозить из города людей. Но Кира уехать не согласилась. Она сказала:

— На кого я оставлю маму? Кто ей печку истопит, кто волю принесёт?.. А за Леночкой кто ухаживать будет? Её папа тоже на фронте, а мама больна...

И Кира осталась. Она хозяйничала у себя дома и помогала Леночкиной маме, которая жила со своей годовалой дочкой двумя этажами выше нас.

А тяжёлые блокадные дни складывались в недели, недели в месяцы. Однажды, это было уже в феврале, я, уходя на работу, увидела Киру. Она медленно спускалась по лестнице с ребёнком на руках. По розовому стёганому одеяльцу я догадалась, что Кирюшка несла Леночку. И я поняла: ещё один маленький ленинградец осиротел в осаждённом городе.

Я помогла Кире внести девочку в комнату и развернула одеяло. Леночка была такая маленькая и худенькая, что казалась не годовалым, а пятимесячным, да к тому же ещё очень слабеньким ребёнком. Мы хотели посадить её на диван, но ничего не вышло. Леночка даже не могла держать головку.

Вечером я снова зашла к Кире. В комнате было тепло. Топилась печка-временка, и на ней грелось ведро с водой. Кира разрезала на куски большую простыню.

— Делаю пелёнки, чтобы завернуть Леночку после купанья, — сказала она.

— Где же ты воду брала? — спросила я. — Неужели ходила на Неву?

Кирюшка усмехнулась:

— Что вы! До Невы далеко, а Леночку одну оставлять нельзя. Я снегу набрала и растопила. У нас во дворе снежок белый-белый! Даже голубой.

Мы вместе купали Леночку. Она с удовольствием вытягивала в воде свои худенькие ручки и ножки и даже старалась улыбнуться.

А потом Кира кормила её с ложечки манной кашей и поила

тёплым чаем.

— Хорошо, что крупы у нас чуточку сбереглось, — радовалась Кира.

Когда Леночка уснула, я сказала:

— Надо отдать её в ясли: ты ведь одна всё равно с ней не справишься. В яслях ребятам дают вкусное соевое молоко и рис.

— Нет, — ответила Кира. — В яслях ребят много, а няня одна. А я буду с Леночкой всё время. И мама теперь будет посвободней: в госпитале прибавилось врачей. А молока соевого и рису я достану. Пойду в ясли и попрошу. И никто не откажет.

...Врачей в госпитале, может, и прибавилось, но раненых тоже стало больше, и Кирина мама была занята по-прежнему. Кира одна нянчила Леночку.

А в Ленинград тем временем шла весна, и жить становилось легче. В город привезли продукты и семена — садить огороды; оттаял водопровод; загорелось электричество, и, «звонящий, гремющий, совсем настоящий», пошёл ленинградский трамвай.

В общем, назло озверевшим фашистам, город-герой не только не покорился врагам, но даже постепенно налаживал свою жизнь.

Как-то раз, возвращаясь домой, я ещё издали увидела Кирюшку. Она сидела возле нашего парадного и держала на руках Леночку.

— А мы гуляем, — весело сообщила мне Кира и добавила гордо: — Смотрите, Леночка уже сидит.

В самом деле, одетая в тёплую кофточку, Леночка сидела у Киры на коленях.

— Вот видите! Совсем поправилась Леночка, — радовалась Кира. — А вы говорили: «Не справишься, в ясли её отдай». Ведь говорили, верно?

Конечно, говорила. Потому, что я совсем не знала Киру, нашу ленинградскую девочку.

Ночной хлеб

Троллейбусы и трамваи не ходили в Ленинграде блокадной зимой. Добираться домой пешком было тяжело, и Танин папа часто

ночевал на заводе. Но в этот вечер папа пришёл домой. Он сказал:

— В городе два дня не выдают хлеба. Я беспокоился, как вы тут?

— Так же, как и все, — ответила мама.

А Таня молчала. Плохого ей говорить папе не хотелось, а что она могла сказать хорошего, если целых два дня у них с мамой не было ни крошки во рту. Да и говорить-то ей было трудно, от слабости всё время хотелось спать.

— Хлеб будет ночью, — сказал папа. — Его уже пекут и завозят в булочные. Я вам его получу.

Папа взял карточки и ушёл. Потянулся тёмный и длинный вечер. Мама затопила печурку, поставила греться чайник и сказала Тане:

— Мороз большой, немецкие самолёты сегодня летать не будут, поспи до папиного прихода. — Она потеплей укутала Таню, и та закрыла глаза.

Но спать в этот вечер Таня не смогла. Сначала ей очень хотелось есть и всё время мерещилась большая горбушка чёрного хлеба, чуть подгоревшая и густо посыпанная крупной солью. Потом Таня стала думать о папе. Кончился вечер, наступила ночь, а его всё нет и нет. Где же он и почему не возвращается?

Таня знала, что папа работает на оборонном заводе, который фашисты бомбят и обстреливают чуть ли не каждый день. Но там папа не один. Там вместе с ним его друзья, его товарищи.

А сейчас... Темно в комнате, но ещё темнее за окном, там настоящая чернота. И в этой черноте папа бродит один и ищет булочную, где уже есть хлеб, чтобы получить его и накормить маму и Таню. Он может попасть под обстрел... На него могут напасть диверсанты... И ведь он очень устал, потому что целый день работал в холодном цеху и на обед ел пустой дрожжевой суп...

Зачем они его отпустили? Зачем дали ему уйти?

И Таня заплакала. Она плакала горько, но очень тихо, глубоко зарывшись в подушку. Ведь рядом была мама, она тоже прислушивалась к каждому шороху, тоже волновалась о папе, и не хотелось ещё больше огорчать её.

...Папа вошёл без стука, у него был свой ключ. Он вошёл очень тихо и положил на стол хлеб.

— Третий час ночи, — сказала мама и зажгла коптилку.

— А на улице народу, как днём, и хлеб будут выдавать всю ночь. Разбудим Таню? — спросил папа.

— Право не знаю, что дороже, сон или хлеб, — ответила мама.

Но Таня уже сидела на постели.

— Папа! — сказала она. — Папа всего нам дороже! — и потянулась к отцу.

— А почему у тебя подушка мокрая? — удивился он.

— Это ничего, я переверну её на другой бок, и она будет сухая. А вы дайте мне кусочек ночного хлеба, если можно, горбушку, — попросила Таня.

Хлебные крошки

В магазине было холодно и очень темно, только на прилавке у продавщицы мигала коптилка. Продавщица отпускала хлеб.

У прилавка с одной стороны тянулась очередь. Люди подходили, протягивали карточки и получали кусочек хлеба, маленький, но тяжёлый и влажный, потому что муки в нём было совсем мало, а больше воды и хлопкового жмыха, который ленинградцы называли «дурандой».

А у другой стороны прилавка кучкой столпились дети. Даже при слабом свете коптилки было видно, какие у них худые, измождённые лица. Шубки не облегали ребят, а висели на них, как на палочках. Головы их поверх шапок были закутаны тёплыми платками и шарфами. Ноги — в бурках и валенках, и только на руках не было варежек: руки были заняты делом.

Как только у продавщицы, разрезавшей буханку, падала на прилавок хлебная крошка, чей-нибудь тоненький озябший палец торопливо, но деликатно скользил по прилавку, поддевал крошку и бережно нёс её в рот.

Два пальца на прилавке не встречались: ребята соблюдали очередь.

Продавщица не бранилась, не покрикивала на детей, не говорила: «Не мешайте работать! Уйдите!». Она молча делала своё дело: отпускала людям их блокадный паёк. Люди брали хлеб и отходили.

А кучка ленинградских ребят тихо стояла у другой стороны прилавка, и каждый терпеливо ждал своей крошки.

Новогодний подарок

Накануне Нового года приехал с фронта боец и привёз Вовке в подарок от папы два больших куса сахара.

Один кусок мама расколола на мелкие кусочки, чтобы пить чай, а другой велела Вовке отнести Гале. Она сказала:

— Галка твоя прямо в ниточку вытянулась. Одни глаза у нее на лице остались, так похудела. Пусть хоть чайку сладкого попьёт.

Галя сперва обрадовалась, а потом застеснялась:

— Не возьму! У самих ничего нет, а сахар раздариваете. Подумаешь, богачи! — сказала она.

— Нет, возмёшь! — сердито прикрикнул на неё Вовка. — У нас ещё один есть. А станешь ломаться, я его в печку брошу!

— В печку сахар бросать! — возмутилась Галя. Взяла в руки белый, чуть синеватый кусок рафинаду, полюбовалась им, погладила его и положила на стол.

— Ладно. Вечером, когда мама вернётся, устроим с нею пир, — сказала она Вовке. Тот успокоился и вскоре ушёл.

А Галя принялась за уборку. Ведь завтра наступит Новый год, и надо привести в порядок комнату, чтобы в ней чувствовался праздник. Кончив убирать, ваяла карточки и отправилась в булочную за хлебом.

На лестнице сидела и отдыхала Таня.

— Я в аптеку ходила, — сказала она. — У Вальки жар, насморк... Купила ему сушёной малины, да не знаю, будет ли он пить. Он ведь у нас капризный, любит, чтоб сладко, а посластить нечем...

Таня отдохнула и стала подниматься выше. А Галя зашла в булочную, ваяла хлеб, посмотрела, как на улице падает снег, и пошла домой.

По дороге она думала о Вальке. Да разве он капризный! Он просто очень голодный и больной. До войны его авали во дворе «Товарищ Клюквин», такой он был кругленький и румяный. А теперь лицо у него — с кулачок, а шейка такая худенькая, что посмотришь — и хочется плакать. А тут ещё и простуда на него навалилась.

Непременно надо напоить его малиновым чаем.

Дома Галя нашла сахарные щипцы и отколола от своего куска четвертушку. «Нам с мамой хватит и даже ещё останется», — подумала она. И пошла к Вальке.

Там уже топилась печка и грелся чайник. Вместе с Таней они заварили целый пакетик сушёной малины, положили сахар, и Валька с удовольствием выпил полную кружку. Потом они потеплей его укрыли, и он уснул.

Дома Галя застала Серёжу Лаврикова. На столе стояла маленькая, пушистая, зелёная ёлочка.

— Это мне один боец подарил, — объяснил Серёжка. — Он ехал на машине, остановился и говорит: «Эй, дружок, получай ёлку, и желаю тебе счастья на Новый год!» Я ёлку взял, тоже поздравил его и пожелал скорее разбить фашистов.

— Будешь её убирать? — спросила Галя.

— Ага. Для Катюши и Славика. Они же самые маленькие. У тебя ёлочные игрушки есть?

— Найдутся, — ответила Галя.

Они сняли со шкафа большую коробку, открыли её и залюбовались: в белой вате лежали жёлтые, красные и голубые стеклянные шары, а под ними хлопушки, золотой и серебряный «дождик». Нашлось даже несколько бенгальских огней и в подсвечниках разноцветные свечи.

— Красота! — ликовал Серёжка. — Мы им такую ёлку устроим, что они запляшут. Кира Леночку принесёт. Жаль только, что ни пряников, ни яблок, ни конфет — ничего сладкого нету.

— Вон чего захотел! — усмехнулась Галя. И вдруг обрадовалась. — Будут конфеты! Будут! Я сейчас сделаю.

Она снова взяла Вовкин сахар и отщипнула от него три кусочка, стараясь, чтобы они были одинаковые, завернула каждый в серебряную бумагу, сделала бахрому и перевязала разноцветными нитками.

— Замечательные конфеты! Прямо как настоящие! — восхищался Серёжка.

Он забрал ёлку и пошёл её убирать, а Галя достала из потайного уголка свою работу. Это был подарок маме к Новому году. На

кусочке парусины она вышила кота. Пушистого, огненно-рыжего, прямо золотого! С длинными усами и с такими зелёными глазами, как лампочки у светофора. Галя прикрепila его кнопками к стене, и в комнате сразу стало нарядно.

До маминого прихода было совсем недолго. Галя затопила печку, вскипятила чайник и сварила кашу из дурандовой муки.

Мама пришла с работы такая замёрзшая и усталая, что даже не могла сама раздеться. Галя развязала, на ней платок, сняла с неё шубу, стащила валенки и обула ей ноги в тёплые комнатные туфли. Мама отдохнула, увидела на стене Галиного кота и сказала:

— Какой красавец! Прямо как живой! Я буду его звать Василий Иваныч. — Потом она лукаво усмехнулась и попросила Галю, чтобы та поискала в шкафу на верхней полке её косынку.

Галя открыла шкаф и сразу воскликнула:

— Ой! Да тут что-то интересное! — И достала коробку с акварельными красками и толстую книжку в красивом переплёте. На обложке было написано: «Приключения Тома Сойера».

— Мамочка, — сказала Галя, — как ты всегда догадываешься, чего мне больше всего хочется?

— Теперь и у нас настоящий праздник, — сказала мама. — Чайку бы ещё сладкого попить по случаю Нового года... Ничего... Кончатся блокада и война...

— Будет чай! — крикнула Галя. — Погляди, что нам Дед Мороз принёс! — и показала маме маленький кусочек сахара, оставшийся от Вовкиного подарка.

— Ну что ж! Дед Мороз так Дед Мороз! В новогоднюю ночь случаются в не такие чудеса.

Они сели ужинать. И тут к ним пришёл Иван Кириллыч.

— С праздником вас! — сказал он. — С наступающим Новым годом!

— И мы вас также поздравляем! Садитесь с нами ужинать, — пригласила его мама.

Иван Кириллыч сел, но от ужина отказался.

— Я к вам с просьбой, — сказал он. — Нет ли у вас лекарства от кашля? А то наша Любочка так кашляет, что даже не может уснуть.

Лекарство нашлось, и очень хорошее. Мама достала из шкафчика маленький пузырёк и объяснила Ивану Кириллычу, что надо капнуть две капли на кусочек сахара и дать Любочке. Через пять минут кашель успокоится.

— А в воду можно? — спросил Иван Кириллыч. — Сахару-то у нас сейчас нету.

Галя посмотрела на маму.

— У нас есть сахар, — сказала мама. — Берите, пожалуйста, не стесняйтесь. Кусочек порядочный, хватит Любочке на два раза.

Иван Кириллыч взял сахар я пузырёк с каплями, поблагодарил и ушёл, а мама с Галей продолжали ужинать.

Ничего, что чай был не сладкий. Всё равно это был очень хороший вечер, настоящий Новогодний вечер. Электричество горело, ни разу не потухая, и всё время говорило радио. Солдаты и офицеры с фронта, рабочие и колхозники с Большой земли поздравляли маму и Галя и всех ленинградцев с Новым годом, желали им здоровья и счастья и обещали сделать всё возможное, чтобы разорвать кольцо блокады. До двенадцати часов играла по радио весёлая музыка и пели песни.

В двенадцать часов, когда наступил Новый год, мама с Галей легли спать. Всласть нагладевшись на красивую ёлочку, спали Славик, Катюша и Леночка. Любочке помогло лекарство, она перестала кашлять и тоже уснула. И бывший товарищ Клюквин, худенький милый Валька, тоже крепко спал, подсунув под щёку кулачок. От чая с малиной жар у Вальки прошёл, и снились ему хорошие сны.

Письмо

Кто-то постучал, и Галя отворила дверь. На площадке стоял их старый знакомый почтальон и протягивал письмо.

— От папы! — воскликнула Галя и крепко сжала в руке маленький бумажный треугольник. Да, это было письмо с фронта, письмо от папы.

Больше двух месяцев не получали они с мамой от него ни строчки; волновались, не спали по ночам и плакали тайком друг от друга. А сейчас Галя держала в руке самое настоящее, самое драгоценное на свете — папино письмо и смеялась от радости.

Через минуту она уже знала, что папа жив и здоров и послал им в этом месяце четыре письма. Что от них он тоже давно не имеет вестей, день и ночь думает о том, как живут они в осаждённом Ленинграде.

Галя аккуратно разгладила письмо и прочла ещё раз. Потом она сложила его, спрятала на груди и посмотрела на часы. До маминого возвращения оставалось ещё много времени. Неужели всё это время мама не будет знать, что от папы пришло письмо?

— Пойду к маме на работу, — решила Галя.

Мамина фабрика была далеко, трамваи не ходили, и Галя знала, что ей придётся идти пешком. Но это её не пугало. Она представляла себе, как обрадуется мама, увидев письмо, и ей становилось так весело, что хотелось петь и смеяться.

Во дворе она встретила Вовку. Верный друг Вовка вызвался проводить Галю. Они вышли из своего двора и направились к Невскому проспекту. Долго шли молча и с тоской и обидой смотрели вокруг.

Как сильно изменился их город за эту длинную и страшную блокадную зиму! Разбитые и обгорелые дома, выбитые стёкла, чёрные отверстия от попавших снарядов, воронки на мостовых.

Вот большое красивое здание. До войны это была школа. Сейчас здесь разместился госпиталь. Сюда привозили с фронта контуженых и раненых бойцов. И на этот дом, где лежали больные, беспомощные люди, фашисты тоже сбросили бомбу.

На главной улице Ленинграда, на Невском проспекте, все витрины забиты досками, и в магазинах темно, как ночью на улицах. На Аничковом мосту, что лежит через речку Фонтанку у самого Дворца пионеров, не видно знаменитых коней и их укротителей. Эти громадные красивые статуи ленинградцы зарыли глубоко в землю, чтобы в них не попала фашистская бомба или снаряд.

И красивый Аничков мост выглядят пустым и скучным, словно кто-то его обокрал.

Но до реки Фонтанки Галя и Вовка не дошли, они свернули раньше и вышли на Владимирский проспект. Не успели они пройти по нему и двух кварталов, как завывала сирена... Значит, летят фашистские самолёты. Вовка сказал:

— Может, не будем прятаться?

Галя вздохнула:

— Мне тоже не хочется. Да ведь я маме слово дала...

И они вошли в ворота большого дома. На стене была нарисована стрелка и под ней надпись: «В убежище!» В этом убежище они просидели около часа, и Гали успела ещё два раза прочесть папино письмо.

Сначала тихонько, про себя, а потом вслух для Вовки. Вовка слушал, нахмутив брови, а потом сказал:

— Очень тихо они воют. Если бы я был на фронте, я бы воевал не так. Я бы день и ночь бил фашистов. Я бы ни одной минуты покоя им не дал.

— А ты думаешь, наши солдаты им покой дают? Ого! — сказала Галя. — Пошли. Отбой.

Они опять шли по улице и по-прежнему не могли оторвать глаз от искалеченных и разбитых домов. На этом вот углу совсем ещё недавно стоял небольшой двухэтажный дом. Фугасная бомба попала в соседнее высокое здание, а маленький домик снесло воздушной волной, и он превратился в груды кирпичей, железа и деревянных обломков.

— Смотри, — говорит Галя Вовке, — ведь разбиты самые обыкновенные мирные дома. И возле нас так же: в госпиталь попал, в детскую консультацию, в булочную и овощную лавку... Если бы ты знал, как я их ненавижу!..

— Знаю. А они опять палят. Слышишь?

Дети бегом бросились в ближайшее парадное. Там тоже было написано, что «убежище во дворе направо», но в убежище они не попали. Вовка успокоил Галю, сказал, что в это парадное снаряд залететь не может. Не с той стороны обстрел.

— И всё-таки страшно, — вздохнув, сказала Галя. — Никак не пойму тех людей, которые ничего не боятся. А я и бомбёжки, и обстрела — всего боюсь.

— Так, может, вернёшься домой? А я сам схожу.

— Что ты! Я буду прятаться, а ты пойдёшь один? — возмутилась Галя. — Я потерплю. Мне страшно, но не особенно. А главное, я хочу видеть, как обрадуется мама.

Стрельба наконец прекратилась. Вовка выглянул за дверь и сказал:

— Пошли, пока тихо.

Вскоре они подошли к перекрёстку, так не похожему на другие

перекрёстки, потому что здесь было не четыре угла, а пять. Пять улиц лучами сходились к одной точке, и трамвайная остановка называлась тут «Пять углов».

— У тебя ноги не мокрые? — заботливо спросил Вовка.

— Нет. Только болят немножко. А как ты думаешь, такой блокады, как ленинградская, никогда раньше не было?

— Конечно, не было. В старину тоже бывали города в осаде, но ведь с самолётов тогда не бомбили, самолётов не было, из тяжёлых орудий тоже тогда не стреляли.

А потом о блокаде они уже больше не вспоминали и всю остальную дорогу говорили об интересных книжках. Галя любила читать о жизни разных замечательных людей. А Вовке больше всего нравились приключенческие повести и книги о путешествиях.

Так незаметно и добрались они до маминой фабрики. На часах возле проходной было без десяти минут пять. Значит, мама уже кончает работать и разыскивать её в конторе или в цеху нет никакого смысла. Галя и Вовка решили подождать у проходной.

Скоро мама вышла. Увидев ребят, она остановилась и закрыла рукой глаза: верно, подумала, что случилось что-нибудь плохое.

Галя подбежала, обняла маму и вложила ей в руку письмо.

— От папы. Он жив и здоров! — сказала она.

Мама торопливо развернула письмо и стала читать, с трудом разбирая слова, потому что на глаза её всё время набегали слёзы. Но это было от радости, и Галя не мешала ей плакать.

У ворот стояла машина, гружённая солдатскими фуфайками, которые шили на этой фабрике. Шофёр Катерина Васильевна приоткрыла дверцу и крикнула маме:

— Нам по дороге, садитесь, я вас подвезу!

Галя и Вовка страшно обрадовались. Катерина Васильевна помогла им забраться в кузов и устроиться на ватниках. А мама села в кабину.

Ехать было очень хорошо. Просто даже отлично. Где-то далеко, должно быть за островами, садилось прохладное мартовское солнце. Вовка рассказывал Гале о новой книжке. А мама в кабине, наверное, в десятый раз перечитывала папино письмо.

Шарик

Все сидела во дворе и грелась на весеннем солнышке. И вдруг подошёл Вовка, ведя на поводке собаку. Да, собаку! Правда, ага собака была такая худая, что шкурка висела на ней, как на палке, хвост не округлился бубликом, а болтался, как метёлка, и уши не стояли торчком, а свисали на тощую грустную мордочку. И глазки у неё были маленькие и как будто бы ко всему на свете равнодушные. И всё-таки это была настоящая собака, хоть и очень голодная и худая.

Первая заметила её Кирюшка. Она сказала:

— Я, кажется, сплю и вижу сон. Откуда может быть у нас во дворе живая собака?

А Сережка погладил пёсика по свалявшейся жёсткой шёрстке и спросил:

— Может, её сбросили с самолёта?

Гали усмехнулась:

— Интересно, кому это придёт в голову сбрасывать с самолёта собак? На самолёте привозят в Ленинград письма и газеты.

— Да вы же её знаете, — сказал Вовка. — Это же Шарик. Профессора Фёдора Ивановича. Только он очень похудел и изменился. Профессор сегодня утром улетел в Москву, а Шарика в самолёт не взяли. И Фёдор Иванович поручил его нам. Он сказал: «Я надеюсь, что вы сбережёте Шарика, это мой верный друг».

— А теперь он будет нашим другом. Правда, Вова? — сказал Валька.

— Чем мы будем его кормить? — спросила Таня.

— Что сами едим, то и ему будем давать, — ответил ей Вовка.

Таня покачала головой:

— Ты думаешь, мама тебе позволят отдавать Шарiku свой хлеб?

— Весь не позволит, а кусочек — можно.

— Кусочком он не наестся, надо чего-нибудь придумать, — сказала Галя.

— А я уже придумала! Всё придумала! — объявила Кирюшка. — Слушайте! Нас много: рва, два, три, четыре... Если считать с малышами — десять человек. Из десяти маленьких кусочков

получится один порядочный кусок хлеба. А если каждый даст от своего супа по три или четыре ложки, так будет полная мисочка...

— Я дам пять ложек, — пообещал Валька.

— Кости ему нужны. Без костей он здоровым не будет. А где мы их возьмём, если нету мяса? — спросил Серёжа.

Кирюшка опять придумала:

— Давайте сходим в госпиталь. Мама говорит, что раненым варят суп с мясом. Скажем, что для Шарика, и нам дадут.

В госпиталь пошли вдвоём. Кирюшка и Вовка. Кирюшка часто бывала у своей мамы и знала все входы и выходы. Они пробрались на кухню и вызвали повара, тётю Ирму. Тётя Ирма — эстонка. Она ещё прошлым летом эвакуировалась в Ленинград, но по-русски говорит не очень хорошо. Она «добрая душа», так говорит Кирюшкина мама.

Кирюшка спросила повара:

— Тёти Ирма, у вас косточки есть? Нам для собаки.

— Есть для собаки, — сказала тёти Ирма. — Хороши варёны косточки. Вы много собаке не давайте, — посоветовала она. — Вы мало собачке давайте, одна косточка. И приходите опить!

Вовка не знал, как по-эстонски будет «спасибо», но знал по-французски. Он сказал:

— Гран мерси!..

А Кирюшка крепко обняла и поцеловала тётю Ирму.

Чтобы в уходе за Шариком был порядок, решили так: хранить и выдавать кости будет Вовка, а Гали в обеденное время станет обходить ребят и собирать для Шарика суп и хлеб. Каждый отливал в мисочку по несколько ложек, туда же клали кусочки хлеба. Шарик с радостью проглотил бы всю еду сразу, но Вовка не позволял. Вовка делил её Шарiku на два раза. А в третий раз он выдавал ему хорошую косточку. Неделью спустя Вовка сказал Гале:

— Ты знаешь, я уже послал Фёдору Ивановичу в Москву письмо. Я написал ему, что Шарик поправляется. Чтобы профессор не волновался.

— А что он тебе ответил? — спросила Галя.

— Пока ничего. Но ты же знаешь, что в Ленинград письма идут долго.

Шарик и в самом деле заметно окреп. Он даже вспомнил, что все порядочные собаки умеют лаять, и лаял всякий раз, когда по радио объявляли артиллерийский обстрел или воздушную тревогу. Очень он не любил и боялся стрельбы и бомбёжки. Почти год прожил в

осаждённом городе и никак не мог привыкнуть. Каждый раз быстро мчался в убежище и сидел в нём не шевелись. Зато при первых звуках отбоя магом выскакивал во двор и прыгал от радости, что тревога кончилась.

А как-то случилось такое происшествие: к Вовке пришёл Серёжка, они поиграли, а потом улеглись и заснули вдвоём на одном диване. И конечно, не слышали, как по радио объявили, что начался обстрел их района. Они даже не слышали, как над домом пронёсся снаряд и разорвался где-то неподалёку. Но Шарик услышал. Он залаял, бросился к мальчишкам и стал их тянуть за брюки. Наверно, он кричал им на своём собачьем языке: «Вставайте! Бежим скорее туда, где тихо и безопасно! Проснитесь же, сони!»

Ребята проснулись, вскочили и, подхватив Шарика, бегом пустились в убежище.

Мама услышала об этом случае и сказала Шарiku:

— Ты хороший, ты бдительный пёс! Теперь я могу спокойно оставлять Вовку дома. Знаю, что ты тревогу не прозеваешь.

Слух о том, что в нашем доме живёт собака, разнёсся по городу, и однажды и наш двор пришёл корреспондент-фотограф из «Пионерской правды». Он попросил ребят стать в такие позы, как будто они играют в жмурки, а Шарика уговорил сесть впереди.

Корреспондент три раза щёлкнул фотоаппаратом, и дней через десять ребята увидели и «Пионерской правде» свою фотографию. Шарик получился на ней просто замечательно! Одно ухо у него было приподнято, другое лежало, и смотрел он прямо на аппарат, словно хотел его проглотить. Под снимком было написано:

Ленинградские пионеры блокадной зимой сберегли своего друга, собаку Шарика. Вот они все вместе играют во дворе.

Фотография всем понравилась. Но Вовка, прочитав подпись, сказал:

— Ошибся товарищ фотокорреспондент. Я же ему толком объяснил, что Шарика мы взяли весной, а до этого он жил у профессора Фёдора Ивановича.

— Это ничего, — успокоила его Гали. — Зато профессор прочитает про Шарика в «Пионерской правде» и узнает, что он жив и здоров. А письмо твоё, может, ещё и не дошло.

Это было правильно, и Вовка обрадовался Галиной догадке.

Прошло ещё некоторое время, и вот как-то раз Галя и Вовка отправились с Шариком погулять. Они вели его на поводке и не спеша шагали по улице.

Навстречу им шла маленькая девочка со своей мамой. Она увидела Шарика и закричала:

— Ой мама! Смотри! Кто это идёт?

— Это собачка, — ответила мама.

— Собачка? Такая, как у меня в книжке? — спросила девочка.

— Похожа, но не совсем такая. Лучше. В книжке у тебя собачка нарисованная, а это живая, настоящая, — объяснила своей дочке мама.

Галя и Вовка ушли уже довольно далеко, а девочка всё стояла, всё глядела на Шарика и не могла наглядеться. И не удивительно: ведь она росла в осаждённом фашистами городе, где не было ни собак, ни кошек, ни голубей. Даже вороны все улетели. Даже воробьи не чирикали под крышами. Не было в Ленинграде воробьёв. И вдруг живой, настоящий пёс! Весёлая, добродушная дворняга Шарик! И шёрстка на нём лохматая, и уши торчком, и хвост бубликом! Ну как на него не заглядеться!

За крапивой

Мама сказала Вовке:

— Все едят зелёный борщ. Надо и нам приготовить.

— А где же мы возьмём щавель? — спросил Вовка.

— Зачем непременно щавель? Можно сварить из крапивы, — ответила мама. — Сходи с ребятами в Таврический сад, там молоденькой крапивы теперь целые поляны.

Утром Вовка со своими дружками отправился в Таврический сад.

До войны они в Таврический сад ходили часто и считали, что он близко, а теперь показалось далеко, пока добрались — устали. Валька пыхтел, как маленький паровозик, и Таня предложила:

— Давайте посидим, отдохнём.

Сели на скамейку и стали вспоминать, как было раньше. Вовка сказал:

— Вот тут были качели, а там карусель кружилась. Помните?

— Ещё бы, — обрадовался Серёжка. — Когда мы с папой сюда приходили, я по пять раз катался.

— По пять! — усмехнулась Кирюшка. — Я и по десять раз прокатилась бы. Под музыку и верхом на лошадке!..

— А мне папа мороженого покупал, и сидро мы пили вон в той будочке, — сказала Таня.

Неподалёку стоял маленький павильончик, пробитый снарядом.

— А почему теперь нету сидро? — спросил Валька.

— Чего захотел! — засмеялся Вовка. — Ты забыл, как зимой воды не было?

— У нас была вода, — сказал Валька. — Мама на санках привозила. А мороженого почему нету?

— Ох и чудак же ты, Валька, — вздохнула Галя. — Ужасный чудак. Мороженое из чего делают? Из молока. А где же ты видел молоко?

— Нигде не видел, — признался Валька. — А ты видела?

— Никто не видел, — сканала Галя. — И хватит тебе, Валька, задавать глупые вопросы. Тебе уже пятый год идёт, пора поумнеть.

— Я поумнею, — пообещал покладистый Валька.

Таня иступилась за своего любимца:

— Ты чего, Галя, от него хочешь? Он же в войну растёт и ничего хорошего не видит. Откуда же ему так быстро умнеть?

— Зато про войну он всё знает, — заступился за Вальку Серёжка. — Все сводки слушает. А пролетит «ястребок», он его с «юнкерсом» никогда не спутает. И зенитки все по голосу узнаёт. Правда, Валька?

— Ага, — согласился Валька.

* * *

До войны в Таврическом саду было много цветов. Теперь цветов не сажали, но земля во многих местах была вскопана. Валька спросил:

— Таня, зачем землю вскопали?

— Огород будут садить, — объяснила Таня. — Редиску, лук, морковь, огурцы... Ты огурчики любишь?

Валька покачал головой. Огурцов он не видел два года.

Отдохнули и отправились дальше.

На одной лужайке земля была взрыта и покарёжена. Вовка сказал:

— Глядите, ведь это то самое место, где осенью фашистский самолёт грохнулся. Самолёт убрали, а место я всё равно узнал.

Крапиву нашли, как и ожидали, на берегу пруда.

— Ого, сколько! Да тут на тыщу борщей хватит, — обрадовался Серёжка и голой рукой схватился за зелёный стебелёк. — Ой! Ой! — завопил он. — Кусается!

— Никогда крапивы не рвал, — сказала Галя. — Её надо под самый корешок брать, а ещё лучше в перчатках.

Перчаток, конечно, ни у кого не было, — кто же носит перчатки в мае месяце? Рвали под корешок и маленько пообожглись, но сумки набили до отказа. Теперь зелёного борща хватит на несколько дней.

Спешить было некуда, и они опять уселись против солнышка. Смотрели, как зеленеет трава, как распускаются деревья.

Пожалели большой, старый клён, словно молнией, разбитый бомбой. Ни одного листочка на нём, ни одного живого побега. Не ожить ему, не распуститься, не увидеть новой весны...

А весна — всегда весна, всегда радостна. И на Большой земле, и в осаждённом фашистами городе. Счастливы те, кто её дождался, и очень жаль тех, кто её уже никогда не встретит.

Горбушки

Поезд шёл медленно, часто останавливался, подолгу стоял на разъездах. Но Вале не было скучно. Очень слабая, она часами дремала на верхней полке, а когда чувствовала себя лучше, читала или смотрела в окно.

За окном расстилалась белоснежная равнина: снега, снега и снега! Стоял конец марта, снег искрился на солнце, а тени от деревьев были густые и тёмно-синие.

А когда они ехали лесом и навстречу им бежали огромные разлапистые ели, Вале казалось, что живёт она в старые-престарые времена и что вот-вот засвистит в лесу Соловей-разбойник и, пробираясь сквозь чащу леса, выедут на дорогу Илья Муромец и Добрыня Никитич.

А иногда Вали просто лежала, закрыв глаза, и тихонько думала. Все её мысли были о Ленинграде, об осаждённом городе, голодном, измученном и бесконечно ей дорогим.

Она вспоминала оставшихся там ребят, представляла себе, что они сейчас делают, и скучала по ним.

Много товарищей было у Вали и раньше: сначала в детском саду, потом в школе. Дружила она и с ребятами своего двора. Вместе они играли, ходили в кино и в Таврический сад.

Но совсем по-особенному сблизилась она во время блокадной зимы.

Вале теперь казалось, что, если бы в убежище не было рядом с нею её друзей, она бы не пережила, не вынесла этих страшных бомбёжек и обстрелов.

Валя знала: уехать из Ленинграда было необходимо... У мамы очень отекали ноги, и она едва передвигалась по комнате. Да и сама Валя так исхудала и ослабела, что с трудом поднималась на второй этаж.

Там, далеко, куда они сейчас ехали, за густыми лесами и снежными полями, не падают бомбы, не рвутся снаряды. Там, в тихом бревенчатом доме, их ждут не дождутся дедушка и бабушка. Там мягкий, душистый хлеб, тёплое парное молоко. И сон. Спокойный и тихий, ничем не прерываемый сон.

Там, в тишине и на свежем воздухе, оживёт и поправится мама, окрепнет Валя. И всё-таки, если бы не мама, Валя ни за что не уехала бы из родного своего Ленинграда.

Поезд подошёл к станции. Глядя в окно. Валя читала надписи: «Кипяток» и пониже: «Ленинградцам без очереди», «Душевая» и опять — «Ленинградцам без очереди». Вот как заботливо встречают ленинградцев на Большой земле.

Соседка по купе, молодой врач Ольга Николаевна, помогала маме и Вале. Сейчас она собрала их посуду и отправилась в буфет за

обедом.

Пообедали. Поезд тронулся. И под мерное постукивание колёс Валя опять задремала.

Через час поезд снова остановился на полустанке, и в вагоне вдруг стало очень шумно. Затопали ноги в калошах и в валенках, зазвучали громкие голоса. Запахло снегом, морозом, овчинными полушубками и как будто бы даже яблоками.

Вале лень было приоткрыть глаза, но сквозь дремоту она слышала, как Ольга Николаевна вышла в коридор и, вернувшись, рассказывала маме, что это пионеры едут на ближайшую станцию в кино и попросились в их вагон.

— Какие они румяные, загорелые! — говорила Ольга Николаевна маме. — До чего ж непохожи на наших ленинградских ребят.

— Охота пуще неволи, — сказала мама. — За сорок вёрст в кино!

— Верно. Но они не одни: с ними их вожатая и учительница. У каждого по горбушке хлеба, это вместо обеда. И фильм очень интересный, особенно для тех, кто учит историю, — «Александр Невский», — добавила Ольга Николаевна.

Вскоре она ушла в соседнее купе, где разместились пионеры. Звала с собой Валу, но та отказалась.

Ворвавшиеся в вагон ребята, разговор о кино и об уроках истории напомнили Вале о том, что в бабушкином селе её тоже ждёт школа. Ждёт чужой класс, незнакомые ученики. Такие же, не похожие на неё. Ей они будут совсем чужие, не то что её ленинградские друзья...

И Валя снова вернулась мыслями к покинутым ею товарищам.

«Что они сейчас делают? — думала она. — Как провели эту ночь? Носились ли над ними фашисты или сидели на своих аэродромах из-за морозной погоды? Привезли ли в магазин сахар и сушёную картошку или всё ещё обещают? И удалось ли устроить в больницу Серёжину маму?»

А в соседнем купе собрались пионеры. Они сидели на свободных полках и на коленях друг у дружки, стояли в дверях и в коридоре. Тихо, почти не дыша, с широко раскрытыми глазами слушали они Ольгу Николаевну. Она рассказывала им об осаждённом городе, который оставила всего два дня назад. Дети слушали, не отрывая от неё глаз, стараясь не пропустить ни одного слова.

А Валя тем временем опять задремала и не слышала, как они подъехали к станции, не заметила суеты, которая всегда поднимается в вагоне, если поезд стоит недолго, а пассажиров выходит много.

Пионеры вышли и отправились в железнодорожный клуб смотреть «Александра Невского». Поезд тронулся дальше, и в вагоне стало опять просторно и тихо.

В сумерках Валя проснулась, и первое, что ей бросилось в глаза, была горка хлебных горбушек, возвышающаяся на столике у окна.

Все горбушки были ржаные, но все разные. Были побольше и поменьше; были со сподкой, присыпанной мукой, и с прилипшими капустными листками; были с пригорелою верхней корочкой, порумяней и побледней; но все, как одна, круто посоленные.

Мама спала на нижней полке. Ольга Николаевна лежала на верхней и читала книжку.

— Ольга Николаевна, — окликнула её Валя. — Вы не знаете, откуда взялось столько горбушек?

Ольга Николаевна посмотрела на столик, покачала головой и засмеялась:

— Это всё тебе, чтобы ты поскорее поправилась. И когда они успели их тут положить? Я даже не заметила...